

ХРИСТИАНСКАЯ ЛЕГЕНДА О 40 СВЯТЫХ МУЧЕНИКАХ СЕВАСТИЙСКИХ КАК КЛЮЧ К ПОВЕСТИ Д. ХАРМСА «СТАРУХА»

Бахор Т.А.¹, Зырянова О.Н.¹, Лобарева В.С.¹

¹*Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», (663542, Лесосибирск, Красноярского края, ул. Победы, 42), e-mail: tamarales@mail.ru*

При анализе повести Д. Хармса «Старуха» авторы делают попытку определить ключевой текст мировой литературы, к которому восходит произведение Д. Хармса и который позволил бы выявить глубинный смысл происходящих в повести событий. В качестве такого ключевого текста рассматривается легенда о 40 святых мучениках. Реминисценции этой известной христианской легенды выявляются в повести Хармса в именах (Сакердон, Михаил) и образах персонажей, художественном времени (весна) и пространстве (город, лес, река). В разговорах и репликах персонажей, в том числе и в создаваемом героем повести рассказе о чудотворце определяется христианский контекст. Обращение при интерпретации повести «Старуха» к легенде о 40 мучениках позволяет более четко представить этапы приближения к Богу героя (путь его мытарств) и определить, кто из 40 мучеников репрезентирован в этом персонаже.

Ключевые слова: христианская легенда, художественный образ, реминисценции, ассоциации, художественное время и пространство, семантика имени, Хармс.

THE CHRISTIAN LEGEND OF THE FORTY HOLY MARTYRS OF SEBASTA AS THE KEY TO THE STORY “THE OLD WOMAN” BY D. KHARMS

Bakhor T.A.¹, Zyryanova O.N.¹, Lobareva V.S.¹

¹*Lesosibirsk Pedagogical Institute – the branch of Siberian Federal University, Lesosibirsk, Russia (662543, Krasnoyarski krai, Lesosibirsk, 42 Pobedy st.)*

When analyzing the story “The Old Woman” by D. Kharms, the authors make an attempt to identify the key text of the world literature, which the story by D. Kharms originates from and which would allow to reveal the deeper meaning of what is happening in the story. As such a key text, the authors discuss the legend of the forty martyrs. Reminiscences of this well-known Christian legend are revealed in the names of the story by Kharms (Sakerdon, Michael), in its characters, in the fiction time (spring) and space (city, forest, river). The Christian context is shown in characters’ conversations and replicas, including the story of the miracle worker created by the hero. Considering the legend of the forty martyrs in the story “The Old Woman” interpretation allows to represent more clearly the stages of the hero’s path to God (the way of his ordeal), and to determine who of the forty martyrs is represented in this character.

Keywords: the Christian legend, imagery, reminiscences, associations, fiction time and space, name semantics, Kharms.

Повесть Д. Хармса «Старуха», написанная в 1939 году, в последнее время постоянно находится в центре внимания исследователей: одни характеризуют пародирующие стратегии авангарда по отношению к русской классике (О.Н. Зырянова), «наследию русской классической культуры» в целом» [4], другие описывают интертекстуальный контекст, включающий произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др. (Т.И. Печерская). Так, Ю.П. Хейнонен указывает: «фрагментарность» и «несвязанность отсылок к первоисточникам» приводит к тому, что нельзя однозначно определить, «Иуда или Христос» воплощен в том или ином персонаже повести Хармса [10].

Решить эту проблему может «ключевой» текст, организующий сюжетно-композиционное пространство рассматриваемой повести. Таким «ключевым»

произведением, на наш взгляд, является известная христианская легенда «Святые 40 мучеников, в Севастийском озере мучившиеся» [8].

Краткое содержание этой легенды таково: 40 воинов родом из Каппадокии в составе римского войска находились в Армении, в городе Севастии. Эти воины служили в царском войске и отличались редким согласием и непоколебимым мужеством, храбростью в бою. Военачальник Агриколай потребовал, чтобы каппадокийцы отреклись от Христа и принесли жертву языческим богам. Воины ответили отказом, были брошены в темницу, но на все увещания Агриколая отвечали отказом. Прибывший в Севастию правитель Лисий, узнавший об их отказе отречься от Христа, велел подвергнуть их мучениям: поставить обнаженными на лед находящегося близ Севастии озера. Это было в марте, холодной и морозной ночью. Для соблазна мучеников на берегу озера была поставлена теплая баня. К часу ночи один из каппадокийцев не выдержал, вышел из озера и забежал в баню. Но у порога бани умер.

В третьем часу ночи небесный свет озарил заледеневших мучеников, согрел их, растопил лед. 39 венцов спустились с неба на головы святых. Тюремный сторож Аглай, находящийся среди тех, кому поручено было мучить воинов, стал свидетелем этого чуда. Он снял с себя одежду, вбежал в озеро, соединившись с мучениками и пополнивши собою число 40, крича: «Я христианин!».

Утром стражники, увидев святых мучеников живыми и невредимыми, в ярости перебили им голени молотами. Затем тела святых ратоборцев сожгли, а кости бросили в реку, откуда по велению самих мучеников, явившихся во сне севастийскому епископу Петру, кости были извлечены им и его учениками.

Как видим, основными мотивами этой легенды является не только мотив мученичества, но и мотив преображения грешника: подвиг тюремного стража Аглая, отказавшегося служить Агриколаю и разделившего муки каппадокийцев, не менее важен в легенде, чем подвиг 39 ратоборцев.

Цель данной статьи – выявить мотивы и образы этой легенды, репрезентированные в повести Д. Хармса «Старуха», и определить их значение в воплощении основной идеи произведения. Для привлечения указанной легенды к прочтению повести Хармса имеются многие основания.

Так, имя персонажа, сопровождающего главного героя повести, неоднократно вступающего с ним в общение, – Сакердон – совпадает с именем мученика, который упоминается обычно тридцать третьим в поминальном списке севастийских мучеников. И хотя почти во всех исследовательских работах делается акцент на значении этого имени, происходящего от латинского лат. sacer ("священный"), что, безусловно, может быть

объяснением того, почему именно это имя использовано в повести, но все же определяющей, по нашему мнению, является связь носителя с героем указанной легенды, участником подвига 40 мучеников, великого *со-бытия* на Севастийском озере.

О тесной связи Сакердона Михайловича с этой легендой позволяют говорить детали его костюма («сапогах с отрезанными голенищами», « меховая с наушниками шапка» [9]), указывающие на то, что этот персонаж соотносится с холодным морозным временем, подобным тому, когда совершали свой подвиг мученики каппадокийцы (в повести отсутствуют акценты на теплой одежде других персонажей).

Возможно, ассоциации с легендой возникают в сознании читателя и в связи с другой деталью, подчеркнутой в описании этого персонажа («... торчали голые костлявые ноги...» [9]) и порождающей ассоциации с одним из событий легенды: перед смертью истязатели перебили мученикам голени молотами.

Такие ассоциации образа Сакердона Михайловича с героями легенды о 40 мучениках придают большую ясность в повести Хармса беседе героев о Боге. Когда герой повести «Старуха» спрашивает собеседника, верует ли тот в Бога, Сакердон Михайлович оценивает этот адресованный ему вопрос как «поступок бестактный и неприличный», потому что его история (жизнеописание того, кто в легенде именован Сакердоном и был участником события на Севастийском озере) – это ярчайшее свидетельство существования Бога, его связи с человеком.

Показательно продолжение беседы, во время которого безымянный герой повести, размышляющий о Боге, относит себя к обычным людям, среди которых, по его мнению, «нет верующих или неверующих... Есть только желающие верить и желающие не верить». Подобно тому, как Зосима в романе Достоевского «Братья Карамазовы» характеризует стремление Ивана решить вопрос о бессмертии души («Если не может решиться в положительную, то никогда не решится и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука»), Сакердон Михайлович уточняет позицию героя повести Хармса: «Значит, те, что желают не верить, уже во что-то верят?.. А те, что желают верить, уже заранее не верят ни во что?» [9]. И хотя герой соглашается («Может быть, и так... – Не знаю»), его вопросы окружающим, верят ли те в Бога, свидетельствуют об одолеваяющих его сомнениях, не позволяющих ему ответить однозначно этот вопрос (вспомним многократные просьбы героя о чуде: «Господи! Неужели эта старуха всё ещё сидит в моём кресле?»; «Боже мой! Неужели чудес не бывает?!» и др.).

Но автор повести, включивший Сакердона Михайловича в круг общения героя, дает, как нам кажется, вполне точный ответ. Подобно Ф.М. Достоевскому, Д. Хармс рассматривает жизнь современного общества с ее скоропреходящими событиями,

частностями и случайностями, в свете «универсального смысла всего происходящего», воплощенного в Священном Писании, и оценивает жизнь человека как «путь самоутверждения в вечности через религиозное озарение» [7].

Особое значение в произведении принадлежит и имени Михаил, звучащему в названии Михайловской улицы и в отчестве Сакердона Михайловича, в квартире которого и происходит беседа о существовании Бога.

Православной церковью архангел Михаил почитается как «победитель супостатов, избавитель от всяких бед и скорбей, защитник всех православных христиан от видимых и невидимых врагов и злых духов», что и объясняет, на наш взгляд, такое отчество у персонажа, соотносимого с одним из севастиийских мучеников.

Появление героя повести в доме Сакердона *Михайловича* на *Михайловской* улице может быть объяснено тем, что, во-первых, герой хочет убежать от умершей старухи, которая символизирует собой саму смерть, во-вторых, он бежит от мирских соблазнов, т.е. от «дамочки», любящей пить водку. Подсознательное обращение героя к архангелу Михаилу вполне логично, если вспомним, что именно Михаил «выступает в роли ангела милосердия и просителя людей перед богом». В «Словаре библейского богословия» человек так определяется А Менем: «В каждом христианине живет ветхий человек, влекомый ко злу, и «новый человек», сотворенный Святым Духом, который должен восторжествовать над грехом» [6]. Известный исследователь повести «Старуха» Ю.П. Хейнонен утверждает, что герой повести «подсознательно знает больше, чем сам понимает» [10].

В характеристике легенды о 40 мучениках как прецедентном тексте повести Д. Хармса «Старуха» важна функция художественного времени (ранняя весна, ночь, час ночи, три часа и др.). В повести Хармса также велико значение художественного времени. Обратим внимание на то, что в начале произведения старуха, которая «держит в руках стенные часы» без стрелок, объявляет герою, что на часах «без четверти три». Сам герой не пытается воспользоваться часами, которые у него есть, очевидно, потому его часы не могут фиксировать течение того времени, о котором персонаж спрашивает у старухи.

Исследователи считают, что события в повести Хармса происходят в двух системах координат: 1) «время событийное, делимое на отрезки (с ним соотносится образ кухонных часов)», и 2) время бытийное («время чуда, творения») [5]. Действительно, старуха в начале повести предупреждает героя о том, что уже «без четверти три», очевидно, имея в виду бытийное время. Автор акцентирует наше внимание на трех часах – временном указателе, неоднократно упоминаемом в Библии, например, в рассказываемой Иисусом притче о рабочих в винограднике, призванных на работу хозяином дома утром, в три, шесть, девять и одиннадцать часов, но получивших одинаковую плату – один динарий [Мф. 20:1-

16]. Как известно из многочисленных богословских интерпретаций, время в указанной притче соотносится с теми этапами человеческой жизни, когда возможно христианское озарение: три часа соответствуют 25 годам, шесть часов – 30 годам, девять часов соотносятся со зрелым мужским возрастом и т.д. Архиепископ Аверкий так трактует притчевый образ равной платы всем работникам: «... человек награждается Богом не по количеству заслуг своих, а единственно по милосердию Божию» [1, 238]. Т.о., указание в начале повести на время («без четверти три») можно интерпретировать как приближение одного из периодов, когда Господь призывает человека.

В легенде о 40 грешниках бытовое время соответствует бытийному: глас Господа звучал в «полунощи», и в «шестом часу ночи» мученики слышали голос явившегося Господа: «Верующий в Меня, если и умрет, оживет» [Иоан. 11:25]. В легенде также точно указывается, что небесный свет озарил каппадокийцев на льду озера в третьем часу их последней земной ночи.

Все это позволяет интерпретировать время первого появления старухи, знаменующей собой смерть земного, телесного, как время бытийное, соотносимое с периодом яростной борьбы «ветхого человека» с «новым» (А. Мень), осознающим необходимость стать божьим «работником».

Наша оценка легенды о 40 мучениках как прецедентного текста для повести Д. Хармса основана и на характеристике времени года, когда происходят основные события. Действие в повести «Старуха» происходит весной: «Весеннее солнце очень приятно...», «В окно светит весеннее солнце, прямо на меня», «Весеннее солнце светит в окно, и я жмурюсь от его лучей». Тот факт, что герой повести все еще использует для обогрева комнаты электрическую печку (именно ее он забыл выключить, когда утром вышел из дома), позволяет нам предположить, что события происходят в самом начале весны. И свой подвиг 40 севастиийских мучеников совершили тоже весной. Православная церковь отмечает их память 22 марта (9 марта по ст. стилю), в день весеннего равноденствия, с которым соотносится окончание зимы (возможно, таково значение в повести образа старухи) и начало сезона возрождения природы.

Определяя функцию в повести образа главного героя, мы не можем не обратить внимания на то, как в его жизни постепенно проявляется сходство с судьбой Аглая, «темничного стража», ставшего свидетелем чуда и участников подвига севастиийских воинов.

Отголоски событий легенды находим и в мечтаниях героя о «казни мальчишек»: «напускаю на них <...> столбняк, и они все околевают» Общеизвестно значение этих слов: «столбняк» – состояние полной неподвижности; «околеть» – издохнуть (о животном), если же это слово относится к человеку, то оно обозначает «умереть, погибнуть от холода».

Вспомним, что на такую смерть были обречены на льду Севастийского озера 40 мучеников, охраняемых стражниками, среди которых был «темничный страж» Аглай. Он не спал, подобно другим охранникам, а размышлял о том, почему один из каппадокийцев, прибежавший к бане, умер, а остальные мученики «при столь большом морозе остаются живы и невредимы» [8]. Аглай присоединился к «сонму святых мучеников», и «стало таким образом опять совершенное число святых.. темничный страж стал восполнением четвертой десятирицы» [8].

Как и «темничный страж», герой повести владеет ключами, неоднократно отпирает и запирает комнату, а в случае с умершей старухой он выступает в роли ее тюремщика. Как и Аглай, герой повести постепенно освобождается от власти земного, телесного (знаком этого может быть отвержение его организмом пищи).

Образ Аглая, объявившего себя во всеуслышание христианином и сознательно принявшего мучение, еще Василий Великий сравнивал с апостолом Павлом, бывшим до этого яростным гонителем христиан, евангелистом Матфеем, бывшим мытарем, а также с блудным сыном из известной библейской притчи. Аглай, подобно этим перечисленным героям христианской истории, по образному выражению богослова, «уверовал во имя Господа нашего Иисуса Христа, крещен в Него не другим кем, но собственною верою...» [2].

В таком контексте образ Аглая, подобно наемным работникам в винограднике из упомянутой выше притчи, воплощает в легенде важнейшую идею христианства, неоднократно утверждаемую в евангельских текстах (например, притче о блудном сыне и др.) и богословских толкованиях: «Кто когда бы ни пришел к Богу, будет Отцом принят наравне со всеми».

О том, что герой повести Д. Хармса неоднократно размышлял о Христе, свидетельствует, как нам кажется, задуманное героем-писателем произведение: «Это будет рассказ о чудотворце, который живёт в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть платком, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае. Он может этот сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и, в конце концов, умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда» [9]. Как видим, повествователь наше внимание обращает на факт *не* совершения чудотворцем чудес, имеющий отношение к личной жизни чудотворца как обычного человека, претерпевающего скудость окружающей обстановки и несправедливость власть имеющих. В таком описании чудотворца видится образ Христа, поступающего, как утверждает в своих беседах Иоанн Злотоуст, «по-человечески, чтобы дать нам наглядный пример.<...> Если бы Он всегда

поступал, как Бог, то откуда могли бы мы узнать, что нам должно делать в затруднительных обстоятельствах?» [4].

И хотя герой повести «Старуха» написал одну только фразу: «Чудотворец был высокого роста», в ней запечатлен взгляд повествователя, направленный на чудотворца снизу вверх, что возможно, также косвенно указывает на признание им величия чудотворца Христа.

Нужно отметить, что путь героя к вере не был простым, о чем говорят в повести многие детали, указывающий то, как стремился к победе в герое «ветхий человек», например, стремление героя ограничить в своей жизни власть плоти (голод героя; увлечение дамочкой; страх тюрьмы; коленопреклонение перед старухой, воплощающей власть над земным др.). Но желание встретиться с Сакердоном Михайловичем, приезд на Михайловскую улицу, стремление написать рассказ о чудотворце можно расценивать как пробуждение в нем «нового» человека. О победе христианского начала свидетельствует произнесенная героем в финале произведения молитва: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Типологически она относится к молитвам, обращенным к Пресвятой Троице, в которых верующие «ничего не просят у Бога, а только славят Его, явившегося людям в трех Лицах» [4].

Вспомним, что молитвой завершает свое преображение и присоединившийся к 39-ти мученикам Аглай: «Господи Боже! В Тебя я верую, в Которого и сии веруют; причти меня к числу их и сподоби пострадать с сими рабами Твоими...». В целом поминание 40 мучеников также начинается с прославления Троицы: «Они веровали в Бога, Христа исповедовали, Духу святому не противоборствовали и от святой Животворящей Троицы прославились» [8]. Все это позволяет в герое повести Хармса видеть тот тип верующего, в котором христианское озарение происходит мгновенно.

Таким образом, основные образы и мотивы легенды о 40 грешниках, выявленные нами в повести Д. Хармса «Старуха», позволяют увидеть, как, несмотря на бросающуюся в глаза абсурдность социально-нравственных отношений человека и мира, рождается в герое – рассказчике вера в Троицу, отражая вечное стремление человека к *со-бытию* в Боге.

Список литературы

1. Аверкий (Таушев), архиепископ. Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. – М., 2002.– С. 238.

2. Василий Великий о святых Севастийских мучениках. [URL] <http://eparhia.mk.ua/stat/2595-svyaty-40-muchenikov-v-sevastijskom-ozere-muchivshiesya-svyatitel-vasilij-velikij.html> (дата обращения: 09.06.2014).
3. Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Лобарева В.С. Автореференциальный сюжет в драматургии Пресняковых. // Современные проблемы науки и образования. – 2014. - № 3. URL: www.science-education.ru/117-13443 (дата обращения: 11.06.2014).
4. Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Беседа 49. – Т.8. – Кн. 1. Толкование на Евангелие от Иоанна. Ч.1. [URL] http://rumagic.com/ru_zar/religion/zlatoust/1/ (дата обращения: 09.06.2014).
5. Лагода М.А. (Чигина) Время чуда в повести Д.И. Хармса «Старуха»: аспекты сна и письма». // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Филология». – Вып. 4 (12). – Кемерово, 2002. – С. 203-208.
6. Мень А. Православное богослужение. Таинство, слово и образ.– М., 1991.– С. 189
7. Одинокое В.Г. Литературный процесс и духовная культура в России: Материалы к курсу лекций «История русской литературы XIX в.». – Красноярск, 1998.– С. 82-83.
8. Святые 40 мучеников, в Севастийском озере мучившиеся. [URL] <http://www.hram-v-lesnom.ru/content/святые-40-мучеников-в-севастийском-озере-мучившиеся> (дата обращения: 09.06.2014).
9. Хармс Д.И. Старуха. [URL]: <http://lib.ru/HARMS/staruha.txt> (дата обращения: 09.06.2014).
10. Хейнонен Ю.П.. «Библиейские мотивы в "Старухе" Даниила Хармса». [URL] <http://www.d-harms.ru/library/bibleiskie-motivy-v-staruhe-daniila-harmsa.html> (дата обращения: 09.06.2014).

Рецензенты:

Васильева С.П., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

Шарифуллин Б.Я., д.фил.н., профессор, зав. лабораторией речевой коммуникации Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск.